

УДК 1(091)

Шевченко М.А.

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

«ГЕНЕРИЧЕСКОЕ» (GÉNÉRIQUE) И «ПОДШИТИЕ» (SUTURE) ФИЛОСОФИИ

У статті здійснюється аналіз змісту та взаємозв'язку понять «генеричне» (générique) та «шов» (suture) у філософії А. Бадью. Досліджується їх роль у подоланні антисистематичності сучасної філософії. Проблематизується процедура «конфігурування». Поновлення категорій «Істина» і «Суб'єкт» розглядається як ключова інтенція філософії Бадью, а створення нової конфігурації співвідношення даних категорій, як те, що визначає перспективу відродження власне філософського мислення. Простежується зв'язок низки спроб зняття "швів", що сковують мислення, суб'єктивність і власне філософію.

Ключові слова: генеричне, шов, істина, суб'єкт, мислення, конфігурація, софістика, залученість, ствердження, віднімання.

В статье осуществляется анализ содержания и взаимосвязи понятий «генерическое» и «шов» в философии А. Бадью. Прослеживается их роль в преодолении антисистематичности современной философии. Проблематизируется процедура «создания конфигурации». Восстановление категорий «Истина» и «Субъект» рассматривается как ключевая интенция философии Бадью, а создание новой конфигурации отношения данных категорий как определяющее перспективу возрождения собственно философского мышления. Прослеживается связь ряда попыток снятия «швов» сковывающих мышление, субъективность и собственно философию.

Ключевые слова: генерическое, шов, истина, субъект, мышление, конфигурация, софистика, вовлеченность, утверждение, вычитание.

In the article the analysis of contents and interconnection of concepts "generic" and "suture" in A. Badiou's philosophy is carried out. Their role in overcoming of antisystematic character of modern philosophy is traced. The procedure of "creation of configuration" is problematized. The renewal of categories "Truth" and "Subject" is regarded the key intension of Badiou's philosophy, and creation of new configuration of these categories' interrelation as defining for the revival prospect of philosophical thought. Connection between a number of endeavors of desuturing thought, subjectivity and philosophy itself is traced.

Key words: generic, suture, truth, subject, thinking, configuration, sophistry, involvement, subtraction.

Осталось ли в современном философском дискурсе место Истине, не вынесенной за скобки реальности в «запределье» абстракций, но более чем когда-либо необходимой? Взгляд, обращенный на столетие, обнаруживает лишь парадоксальность и *не(ос)мыслимость* эпохи, чем вгоняет мысль в дурную бесконечность повторения утверждений о «невозможности» *любви, поэзии, мышления*. Ретроактивность становится эмблемой эпохи. Настоящее, застывшее в немом крике *немыслимого*, оказывается плодом забвения мышления обращенного к Истине сущностного для философии. Для А. Бадью утрата собственного существа философии – следствие длительного господства спекулятивного нигилизма, как в *теории*, так и в *практике*, искусно разграниченных в софистической конфигурации современной философской мысли – «подшитии» (suture). «Шов» – сконструированное софистикой «слепое пятно». Его функция – исключение из «поля зрения» философии целого ряда свидетельств ее условий и создание «видимости» полноты картины вместо созидания пространства совозможности условий философии (подлинной полноты). Вопрос заключается в том, как *возможно* изменение этой конфигурации? Бадью утверждает, что возможность преодоления состояния «*подшития*» философии, лежит в обнаружении новых оснований связи Истины и Субъекта. Восстановление/утверждение категорий Истины и Субъекта становится ключевой интенцией философии Бадью, в нем и через него осуществляется *снятие* «швов» современной философии. Мы же обращаемся к «генеалогии» этого *действия*, поскольку вопрос о том, удастся ли философии самого Бадью избежать «подшития», остается открытым и актуальным.

Бадью противопоставляет «*антисистематической аксиоме*» софистики утверждение, согласно которому *систематичность* есть сущность философии. Соответственно, наложенные на философию «швы», рассматриваются как препятствующее обретению философией своей

сущностной *формы*. Было бы ошибкой начинать рассмотрение очерченного круга проблем, не обратившись к содержанию концепта «шва». Понятый как своеобразная «метафора» он делает невозможным понимание содержания систематизации, изменения конфигурации философии и его «органической» связи с изменением конфигурации Истина-Субъект. Бадью заимствует данный концепт из работы теоретика-лаканианца Ж.-А. Миллера. «Шов (Элементы логики означающего)» [12] Сам концепт возникает в рамках дискуссии вокруг «логики означающего». В наиболее общем смысле «подшитие» – характерное отношение субъекта к дискурсу. Субъект «прошивает» собой дискурс, подменяя собой означающее в дискурсе, тем самым обеспечивая ему «ложную» (однако от этого не менее прочную) целостность. «Подшитие», таким образом, сближается с созданием аксиоматики. Мы так же можем взглянуть на ту же процедуру с другой позиции: «философия» стремится исключить из своего поля фигуру субъекта как способного к осуществлению изменения установившегося порядка означающих, и использует ее в собственных целях. Это осуществляется благодаря включению субъекта в дискурс в «новой» роли – роли безмолвной, объективированной. Таким образом, в софистической конфигурации субъект в философии оказывается «прошит» особым отношением к дискурсу, что предполагает и особое отношение к «истине». Подлинное значение утверждения «систематичности анти-систематичности» открывается только при внимательном обращении к концепту «шва». Однако, этим наше к нему обращение не ограничивается, особого внимания заслуживает следующее утверждение: «Пересекая логический дискурс в точке наименьшего сопротивления, по шву, вы можете обнаружить артикуляцию структуры субъекта: как «мерцающего в темноте»» [12]. А это значит, что сам «шов» содержит в себе указание на возможность собственного преодоления. И Бадью использует эту возможность в построении математической онтологии. Одной из таких точек «наименьшего» сопротивления является «пустое множество», возможностью же преодоления, соответственно, – «генерическое» (*générique*).

Провозглашение *существования* истин в философии Бадью не тождественно установлению какой бы то ни было истины или же истинности чего бы то ни было. Осуществляя методологически выверенный ход, Бадью определяет *категорию Истины* как операциональную. Это положение требует пояснения: введение и использование функции «операциональность» реализуется в *различении* Истин как существующих (как таковых) и Истин как сущностей доступных философскому осмыслению, более того, нуждающихся в нем. Это различие объясняет необходимость разграничения собственно философского и онтологического полей. Категория Истины вводится с тем, чтобы *осуществить* пересмотр конфигурации «истина-мысль-философия», скованной софистической сетью «швов». Эта категория открывает мысль событийному пополнению («раскрывает активную пустоту в мысли» [5, с. 23]), а, значит, намечает *возможность* преодоления ретроактивности нигилизма философской мысли. Однако, обоснование *возможности* категории Истины и ее *функционирование* не могло бы быть осуществлено без *категории* «генерическое», которую сам Бадью не случайно называет эмблемой своей философии [3, с. 22]. В работе «Бытие и событие» подготавливается онтологическая почва для «Истины»: утверждается сама возможность этой категории в мире как множественном, находящемся в процессе непрерывного становления. Событийная концепция Истины, заявляющая ее порождающую способность (генерические множества, генерические процедуры), становится первым этапом осуществления снятия софистического «шва». Однако, *пребывание* («есть» истин) в модусе «радикальной исключенности» – лишь одна из сущностных граней Истины. На этом этапе в поле генерического происходит «встреча» Субъекта и Истины. Работа «Логика миров» становится новой вехой становления мысли Бадью и раскрывает иную грань сущности Истины: локальность ее становления. От утверждения событийности Истины Бадью переходит к утверждению ее процессуальности: так рождается *особое диалектическое отношение всеобщности и локальности* в его философии. Бадью не сводит утверждение универсальности Истины к броской декларации, а укореняет «посюстороннее» бытие универсальных истин в конкретности бытия-здесь (*etre la*) и совозможности истин как условий философии. При этом изменяется лишь поле функционирования категории *générique*, но никак не ее значимость, как может показаться при первом приближении. Напротив, именно на этом этапе наиболее напряженным и интенсивным становится отношение «Истина-Субъект» в контексте исполнения генерическим своей функции в локальном измерении. Утверждается универсальность, «всеобщность пребывания» Истин, осуществленная особым образом в фигуре Субъекта. Бадью следующим образом проясняет связь генерического и субъекта: «Назовем

«субъектом» каждое конечное состояние генерической процедуры. Субъект не является ни следствием, ни причиной. Он – локальное состояние ситуации, конфигурация, которая превосходит ситуацию» [10]. В контексте рассмотрения вопроса о «подшити» философии к софистике данное определение требует комментария. Субъект представлен «моментом» генерической процедуры, в который осуществляется выбор, от этого выбора зависит, будет ли событие, явившись в ситуации, «продлено» в будущее (бесконечность становления). Операциональность категории Истины в представленном выше контексте обретает свои конкретные *методологические* очертания: философское мышление, принимает возникновение нового как обоснованное в себе самом. Таков «механизм» осуществления философией своей основной задачи – создания пространства возможности истин.

Конкретность бытия-здесь истин сопрягается с идеальностью форм истинного в мышлении: «Истина транс-лингвистична, поскольку *общая форма мысли*, которая делает ее доступной, не связана с каким-либо определенным языком» [7, с. 42]. Данная позиция делает утверждение истины неотделимым от «критики» порядка, воплощенного отказом нашей эпохи от осмысления себя самой, подчиненного поверхностности и безликости суждения, которое, в свою очередь, черпает силы из власти «энциклопедии», в которой все *уже* учтено и завершено. Мышление философское отвергает софистический суррогат, который зовется «мышлением» в современности. Способность к мысли, как *универсальная*, невозможна тогда, когда *язык* более не живет событийностью, а существует в «форме» застывшей номенклатуры распределения, способной только к отрицанию. Однако, каковы основания этой «критики»? Как известно, Бадью помещает фигуру Л. Витгенштейна в «типическое *созвездие*» софистов и неоднократно обращается к знаменитому тезису «Логико-философского трактата» (1921), как вобравшему в себя саму сущность софистики: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [5]. В 1965 году Теодор Адорно в «Лекциях о негативной диалектике» высказывает свою позицию в отношении того же тезиса: «Это поистине анти-философское утверждение. В противовес мы должны настаивать на том, что философия заключается в попытке высказать то, что не может быть сказано, в особенности то, что не может быть сказано напрямую, в одном предложении или нескольких, но только в контексте» [2, с. 74]. Мы обращаемся здесь к «встрече» этих трех мыслителей в поисках «иллюстрации» к теоретическим выкладкам касающимся «подшития». Очевидно, что антисофистическая программа Бадью, как и программа Адорно, не приемлет «разграничения», которое помещает Витгенштейн в ядро своей философии периода «Трактата», – помыслить можно лишь то, что может быть выражено «позитивным» языком. Можно предположить, что Адорно предпринимает попытку снятия «шва», который Витгенштейн налагает на философию. Однако, осуществляется ли данное «снятие» философией Адорно? В «Манифесте философии» [8] Бадью различает языковую и риторическую варианты софистики, и в случае критики позиции Витгенштейна со стороны Адорно мы наблюдаем возникновение второй (вариантности) на базе первой. Понятия мысли и говорения для Адорно сопряжены с представлением о риторике как специфической форме действия, способной преодолеть положение, сформулированное Витгенштейном. Адорно отвергает систематичность философии, отождествляя ее с «неприемлемой» замкнутостью, отказом философии от «не высказанного», констеллятивный подход он видит как альтернативу. И именно в «констелляции» субъект вновь приносится в жертву объекту, «шов» не снимается, напротив, осуществляется очередное «подшитие». Тезис Витгенштейна становится «центром притяжения» постольку, поскольку концентрирует в себе содержание основной философской «тяжбы» эпохи – *тяжбы о неразличимости*. В этом контексте Бадью обращает свой проект осмысления «столетия» на саму «мысль столетия» (выказывающую себя в произведениях искусства, литературных произведениях) с тем, чтобы утвердить возможность мышления, восстановить категорию Истины и показать открытость новой эпохи.

Зачастую появление нового связывается с той или иной *формой* отрицания уже существующего, и вопрос выбора этой *формы* становится определяющим для собственно философского *утверждения*. Софистика отдаст предпочтение форме «разрушения». В нем появление нового выводится из аннигиляции предшествующего. Именно поэтому софистика делает первой и основной своей задачей *установление* различий. Гомогенизация «мира» и конвейер «идентичностей» набирают все большие обороты, становятся принципами действия. Манипулировать «суждениями» удобнее в мире, где все распределено и учтено. В таком мире на смену искусству приходит «культура», техника заменяет науку, политика сводится к управлению, а любовь заменяется суррогатом сексуальности. С другой стороны философия,

благодаря операциям, которые делает возможными категория Истины, обращается к форме «вычитание» (subtraction). Под «вычитанием» Бадью понимает отношение, не связывающее возникновение нового с «отрицанием» существующего. В этом отношении «новое» принимается исключительно в силу того, что «является», находится в само-становлении здесь и сейчас. Как «отрицание», так и «вычитание» предполагают особое отношение к истории и культурной традиции: первая стремится подчинить их своей воле в отрицании, чем лишь усугубляет собственную от них зависимость; вторая, будучи открытой событию истины, утверждает становящееся в его собственном бытии, не связывая этот процесс с каноном. «Всякий раз наступает момент, когда важно *от собственного имени заявить*, что имевшее место – было, и *делать* то, что требует настоящая ситуация с представленными ею возможностями» [1, с. 39]. Во второй конфигурации («вычитание») смыкаются мышление неосмысленного (событийного) и поступок, осуществляется философское утверждение мысли и поступка. Лишь философствующий способен внять вопрошанию столетия, поскольку его мысль не стремится найти «убежище» в законе истории. Природа софистического «утверждения» заключается в стремлении повелевать: устанавливать субъект-объектное отношение, приписывать субъекту предикат долженствования, действовать исходя из позиции «силы». Признание «объекта» (существующим) возможно лишь в том случае, если он «учтен» в энциклопедии (различен), что приводит к тому, что «*неименуемое*» либо получает отказ в существовании, либо вписывается в энциклопедию «наси́льно». Так софистика осуществляет присвоение исторического, образуя с ним характерное отношение, в котором неудержимый поток говорения/называния «сосуществует» с молчанием/утаиванием. В лекции «Философия как биография» Бадью, обращаясь к теме философского влияния, пишет: «Альтюссер научил меня двум вещам: у философии нет надлежащего объекта – это один из его великих тезисов, – но есть ориентации *мысли* и линии разъединения» [11]. По самой своей сути философское мышление не способно руководствоваться логикой «вынесения суждения», поскольку не устремлено к обладанию или обретению власти. Соответственно, *софистика устанавливает границы*, распределяет, *философия же мыслит*, принимая в себя свидетельства эпохи, и дает возможность быть осмысленным тому, чему было отказано в таком праве софистикой.

Низложение установленных софистикой различий Бадью связывает с восстановлением *всеобщности как максимы истины*. «Истина диагональна по отношению ко всем общинным подмножествам...Она представлена *всем*, или предназначена *каждому* без ограничения, обусловленного его предшествующей принадлежностью» [1, с. 15]. Установленные софистикой различия *не властны* над истиной, которая провозглашается субъектом. Но что есть это провозглашение? Философия Алена Бадью не приемлет «компромисса» негласной договоренности, в рамках которой положение Истины определяется как подчиненное «правдоподобности» абстрактного суждения. Бинарное распределение «истина/ложь» недостаточно для восстановления категории Истины. На смену ему должно прийти особое диалектическое отношение «истина/правдоподобие». Суждение в отношении «ложности» того или иного явления, действия, имени так или иначе превращается в *осуждение*, тем самым ограничивая мысль философствующего (заключает его в рамки морализирующего суждения), в то время как различие (вычитание, subtraction) истинного и правдоподобного является намного более тонким, подводя *мышление* к осуществлению «*действий*» все более конкретных, ответственных. В «низложении различий», как действию, которое осуществляется в верности событию истины, универсальность истины смыкается со своей локальностью.

Бадью называет Апостола Павла *мыслителем-поэтом происходящего* и дает этому следующее пояснение: «Он устанавливает взаимозависимость между общей идеей прорыва, столкновения и идеей мысли-практики, которая есть не что иное, как субъективная материальность этого прорыва» [1, с. 5]. Так в образе Павла снимается «шов», который накладывает на субъекта риторическая вариантность софистики. Мышление освобождается от искусственно «прищепленной» ему познавательно-практической логикой функции поддержания непротиворечивости (псевдо-единства) некоторой «реальности». Снятие субъективного «шва» приводит к тому, что политика, субъект и логика являвания объединяются в утверждении существования особых пространств, в которых неактуальны операции бинарной логики, а значит и строгие дизъюнктивные оппозиции, – пространств генерического. Так, например, в подобном пространстве невозможна оппозиция «включенность/исключенность». В софистическом дискурсе она выполняет функцию распределения «подшитых» субъектов на «включенных» и «исключенных» (соответствующих

и не соответствующих требованиям), в зависимости от приписанных им предикатов-функций. В особой конфигурации «вовлеченность» становится альтернативой названной оппозиции. Определяющим для «вовлеченного» субъекта является характер его «действия» в ситуации, его выявление обуславливает необходимость разграничение аналитического (отвлеченного, абстрактного) взгляда на ситуацию и взгляда политического (участвующего). Аналитическое суждение может быть вынесено субъектом, который не вовлечен в ситуацию непосредственно и демонстрирует «понимание локального, выводимого из общего анализа» [4, с. 121]. Подобное понимание всегда будет лишь асимптотически приближаться к «проявленному» в ситуации, соответственно всегда будет оставаться лишь «правдоподобным». Политический взгляд на ситуацию не может быть взглядом «из-вне», лишь *вовлеченный* в ситуацию субъект может осуществить его. *Восстанавливая* категорию Истины как «подчиненную максиме эгалитарности» [11], Бадью конституирует возможность нового представления о «человеческом» как таковом, о равенстве «в» человеческом. В вовлеченности «человеческое животное» получает возможность превратиться из функциональной единицы поддержания «правдоподобия» в человека. Вовлеченность предполагает «действие» в ситуации, а значит принятие решений отличных от «суждений». Отличие заключается в том, что эти решения способны изменить саму ситуацию, поскольку они обнаруживают ее событийность, избыточность по отношению к существующему порядку именования. «Суждения» же призваны лишь поддерживать порядок, они бездействуют. Политический взгляд на ситуацию – расположение мышления, субъективное расположение, то, что Бадью в описании Павла называет «поэтическим осмыслением настоящего», которое есть готовность/способность схватывать то новое, что *проявляется* в ситуации.

Изучение проблемы связи категории «генерического» и «подшития» философии невозможно без обращения к реализации процедуры снятия «шва» для отдельных условий философии. В философии Бадью возможность политического выводится из универсальности способности к мысли. На этом основании он называет политическую мысль «топологически коллективной». Бадью пишет: «То, что основным политическим «событием» является встреча, и есть локальная метонимия ее сущностно коллективного, и, значит, принципиально универсального бытия» [9, с. 142]. В том же случае, если в поле «политического» циркулируют «постулаты», которые несут прямо противоположный смысл, осуществляется подмена политического рыночным. Коммуникация между субъектами в таком поле невозможна, поскольку «участие» заменяется «представительством», которое лишь маскирует всеобщность «онемения». Бадью утверждает, что философия способна схватывать сингулярность политики. Под схватыванием понимается установление особых «имен» для политических событий. Этот процесс получает название «генерическое именование». Каждое из установленных генерических имен политики должно отвечать следующему условию: быть совозможным остальным истинностным процедурам. Так, ни одно политическое «имя» не должно вторгаться в сферу искусства, науки, любви, не должно ограничивать их или стремиться к установлению власти над субъектами, которые в них возникают.

В работе «Жажда философии в современном мире» (2006) Бадью пишет: «От современной философии требуется утверждение в отношении того, какой может быть современная рациональность» [6]. Новая конфигурация отношения Истины и Субекта, которую намечает философия Бадью, демонстрирует, что современному мышлению необходимо принять то, что «понимание» свершившегося, выведенное из некоторых общих абстрактных посылок, недостаточно. В контексте философии Бадью достижение истины более не является лишь постижением неизведанного. Истину недостаточно только понять, ее нужно осуществить, и лишь в этом осуществлении зарождается понимание как ответственное – новая рациональность и осмысление немислимого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадью А. Апостол Павел: Обоснование универсализма / А. Бадью; [пер. с франц. О. Головой]. – М., 1999 – 96 с.
2. Adorno T. Lectures on Negative Dialectics / T. Adorno; [ed. by Rolf Tiedemann, trans. Rodney Livingstone]. – Polity Press, 2008. – 267 p.
3. Badiou A. Being and Event / Badiou A.; [tr. by O. Feltham]. – Continuum, 2006. – 526 p.

4. Badiou A. Beyond formalisation: an interview/ Badiou A. // *Angelaki*, Vol. 8/2 – 2003. – P. 111-134.
5. Badiou A. Conditions / Badiou A.; [tr. by S. Corcoran]. – Continuum, 2008. – 314 p.
6. Badiou A. Desire for Philosophy in contemporary world [Електронний ресурс] / Badiou A. // «The Symptom»: online journal for lacan.com. – 2006. – Режим доступа к журн.: <http://www.lacan.com/badesire.html>.
7. Badiou A. Logics of worlds: Being and Event / Badiou A.; [tr. by A. Toscano]. – Continuum, 2009. – 617 p.
8. Badiou A. Manifeste pour la philosophie / Badiou A. – Editions de Seuil, Paris, 1989. – 96 p.
9. Badiou A. Metapolitics / Badiou A.; [tr. and intr. by J. Barker]. – Continuum, 2009. – 617 p.
10. Badiou A. On a finally objectless Subject [Електронний ресурс] / Badiou A. // «The Symptom»: online journal for lacan.com. – 2009. – Режим доступа к журн.: <http://www.lacan.com/thesymptom/?p=331>.
11. Badiou A. Philosophy as biography [Електронний ресурс] / Badiou A. // «The Symptom»: online journal for lacan.com. – 2008. – Режим доступа к журн.: http://www.lacan.com/symptom9_articles/badiou19.html.
12. Miller J.-A. Suture (elements of the logic of the signifier) [Електронний ресурс] / Miller J.-A. // «The Symptom»: online journal for lacan.com. – Режим доступа к журн.: http://www.lacan.com/symptom8_articles/miller8.html.